3 1761 07035486 5

Kiesewetter, Aleksandr Aleksandrovich
Kuznets-grazhdanin

DK
219
.6
M5K4
1905

А. А. Кизеветт.

106/167

Kiesewetter, Aleksandr Aleksandrovich

Кузнецъ-гражданинъ

Kuznets-grazhdanin

(изъ эпохи 60-хъ годовъ).

Очеркъ дѣятельности Н. А. Милютина.

2-е изданіе.

Изданіе
Н. Е. Парамонова
„Донская Рѣчь“,
Ростовъ н-Д.

Дозволено цензурою 3 апрѣля 1905 г. Ростовъ на

DK
219
.6
M5K4
1905

LIBRARY
SEP 25 1961
UNIVERSITY OF TORONTO

769393

Ростовъ на Дону.
Типографія Г. М. Пуховича.
1 9 0 5.

LIBRARY
Polish Branch

Кузнецъ-гражданинъ.

Кузнецъ-гражданинъ... Такъ называлъ Некрасовъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей новой Россіи—Николая Алексѣевича Милютина. Яркой звѣздой блеститъ имя Николая Милютина въ исторіи 60-хъ годовъ нашего столѣтія, въ исторіи того достопамятнаго времени, когда, по выраженію поэта, „всколыхнулось болото стоячее", и пришла пора безъ оглядки ковать „желѣзо горячее" важныхъ внутреннихъ преобразованій. Милютинъ стоялъ въ первомъ ряду сотрудниковъ Царя-Освободителя. Онъ вынесъ на своихъ плечахъ наибольшую часть тяжелой черной работы по подготовкѣ великой реформы—отмѣны крѣпостного права; онъ принялъ на свою голову и наибольшую часть злобныхъ клеветъ и яростныхъ нападокъ со стороны закоренѣлыхъ крѣпостниковъ, встрѣтившихъ эту реформу съ отчаяніемъ и скрежетомъ зубовнымъ.

„О васъ я слышу часто: ваше имя во всѣхъ устахъ, съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ". Такъ писалъ Милютину въ 1860 г. московскій профессоръ Дмитріевъ въ самый разгаръ борьбы общественныхъ партій изъ-за подготовлявшейся реформы. Милютинъ не испугался этой ненависти и смѣло выставилъ свое имя подъ градъ злобныхъ поношеній. Его окрыляла вѣра въ правоту своего дѣла, его поддерживало сочувствіе просвѣщенныхъ и благородныхъ людей; имъ безраздѣльно владѣло страстное стремленіе къ истребленію вѣковой неправды. Онъ вложилъ въ крестьянское дѣло всѣ таланты своей богато одаренной натуры.

Ясный, проницательный умъ, обширныя познанія, неотразимо убѣдительное краснорѣчіе, особая способность сразу схватывать самую суть всякаго вопроса, стойкое упорство въ достиженіи намѣченной цѣли, наконецъ неподкупное благородство души,— вотъ тѣ качества, которыя сдѣлали Милютина центральной личностью среди самоотверженныхъ работниковъ, подготовлявшихъ совмѣстно съ нимъ освобожденіе порабощеннаго народа.

Часто приходится слышать мнѣніе, что исторія нашей родины чрезвычайно небогата интересными фигурами, выдающимися героическими дѣятелями. Но героизмъ прежде всего нужно умѣть отыскивать. Взгляните на *внѣшнія* событія жизни такого человѣка, какъ Милютинъ; вы не найдете въ ней на первый взглядъ ничего интереснаго: вся жизнь проходитъ въ кабинетной работѣ надъ грудами бумагъ и въ многочисленныхъ засѣданіяхъ разныхъ комитетовъ и комиссій. Но вдумайтесь въ *смыслъ* этой неустанной и однообразной на видъ дѣятельности, и передъ вами развернется глубокая душевная драма, въ которой нашли свое выраженіе лучшія свойства человѣческой природы.— Біографія такихъ дѣятелей, какъ Милютинъ, должна быть извѣстна каждому образованному русскому гражданину. Я попытаюсь намѣтить въ предлагаемомъ очеркѣ ея главнѣйшіе моменты.

I.

Наканунѣ реформы.

Милютинъ происходилъ изъ богатой нѣкогда фамиліи, выѣхавшей въ Россію въ концѣ XVII ст. изъ Сербіи.—Одинъ изъ предковъ Николая Алексѣевича ѣздилъ по порученію Петра Великаго въ Ліонъ и Италію для изученія шелковыхъ мануфактуръ и по возвращеніи въ Россію основалъ первую у насъ фабрику этого рода.--Къ началу XIX ст. матеріальныя средства Милютиныхъ значительно разстроились; но въ то же время новыя родственныя связи вдвинули эту семью въ кругъ избранной столичной аристократіи. Молодые Милютины—Николай, герой нашего очерка, и Дмитрій, впослѣдствіи военный министръ, а нынѣ фельдмаршалъ—приходились племянниками одному изъ ближайшихъ и наиболѣе выдающихся сотрудниковъ Императора Николая I, графу П. Д. Киселеву. Графъ Киселевъ являлся, безспорно, самой крупной фигурой среди государственныхъ дѣятелей Николаевскаго царствованія. Въ его идеяхъ и планахъ, а также и въ его трудахъ на разныхъ поприщахъ службы, неизмѣнно свѣтится недюжинный умъ истиннаго государственнаго человѣка. Онъ смотрѣлъ далеко впередъ и настойчиво проповѣдывалъ необходимость уничтоженія крѣпостного права. Императоръ Николай называлъ его полушутя „своимъ начальникомъ штаба по крестьянской части". Именно по его почину были предприняты въ царствованіе Императора Николая нѣкоторые—правда, еще отдаленные—шаги къ ослабленію узъ крѣпостной неволи. Убѣдившись въ невозможности открыто напасть на крѣпостное право, онъ рѣшилъ подойти къ этому больному вопросу хотя бы окольнымъ путемъ и съ жаромъ принялся за улучшеніе быта крестьянъ *государственныхъ*, надѣясь, что

это послужитъ какъ бы прологомъ къ измѣненію участи и крестьянъ *помѣщичьихъ*.—Надежды Киселева оправдались, и ему посчастливилось даже найти продолжателя своихъ трудовъ въ собственномъ племянникѣ.

Съ ранней юности запала въ душу Николая Милютина мечта объ освобожденіи крестьянъ отъ позорнаго рабства. Ее подсказала сама жизнь, непосредственное столкновеніе съ дѣйствительностью. Какъ-то разъ на масляницѣ шестнадцатилѣтній Милютинъ отправился на собственной лошади на танцевальное утро. День выпалъ очень морозный, но предвкушеніе веселья и теплая шуба скоро помогли молодому человѣку забыть о холодѣ. Въ танцахъ время пролетѣло незамѣтно до 6 часовъ вечера. Съ бала Милютинъ поѣхалъ обѣдать въ одинъ знакомый домъ, гдѣ его ожидала пріятная встрѣча съ предметомъ его юношеской страсти. Послѣ обѣда опять вздумали танцевать, а тамъ сѣли за ужинъ. Было уже четыре часа утра, когда Милютинъ вернулся, наконецъ, домой. Все это время крѣпостной кучеръ Милютина дрогъ на морозѣ, дожидаясь у крыльца молодого барина. Всего-на всего ему пришлось просидѣть на козлахъ подъ рядъ 15 часовъ. Когда на слѣдующій день Милютинъ вышелъ къ завтраку, мать встрѣтила его упреками въ безсердечномъ отношеніи къ несчастному кучеру. Тутъ только онъ сообразилъ, что онъ надѣлалъ: наканунѣ мысль о кучерѣ ни разу не пришла ему въ голову. „Съ этой минуты, разсказывалъ впослѣдствіи Милютинъ, я началъ бредить освобожденіемъ крестьянъ".

Вскорѣ послѣ описаннаго случая умерла мать Милютина. Эта смерть повлекла за собой внезапное разстройство всего хозяйства. Семья очутилась на краю полнаго раззоренія. Родовое имѣніе Милютиныхъ въ Тульской губерніи пришлось продать, и молодому Николаю Милютину предстояло испытать послѣ беззаботной юности на родительскихъ хлѣбахъ строгую школу личнаго заработка. Тутъ пригодилась родственная связь съ Киселевымъ. Не достигнувъ еще и двадцатилѣтняго возраста, Милютинъ получилъ мѣсто при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Такъ началась его служебная карьера. Такимъ образомъ, при самомъ выступленіи на самостоятельное жизненное поприще, Милютину довелось испытать на личномъ примѣрѣ двѣ отрицательныя черты стараго крѣпостного порядка. Отъ крѣпостного права терпѣли въ концѣ концовъ обѣ стороны: и крестьянинъ, и самъ помѣщикъ. Крестьянинъ дѣлался иг-

рушкой барскаго произвола и переносилъ въ силу этого массу тяжелыхъ страданій. Помѣщикъ, привыкшій къ безпечному существованію на плечахъ у дарового крѣпостного труда, не пріученный нуждой соразмѣрять свою жизнь съ состояніемъ своихъ наличныхъ средствъ, не былъ застрахованъ отъ внезапныхъ и непредвидѣнныхъ имъ раззореній. Надежда на даровой трудъ убаюкивала помѣщика сладкой увѣренностью въ обезпеченности своего завтрашняго дня безъ всякихъ съ его стороны усилій и хозяйственныхъ заботъ, и нерѣдко дѣйствительность открывала ему глаза на истинное положеніе его матеріальныхъ дѣлъ тогда, когда было уже поздно.

Но выводы, которые дѣлалъ Милютинъ изъ испытанныхъ имъ уколовъ судьбы, шли еще дальше. Онъ умѣлъ обобщать отдѣльныя явленія. Онъ ясно видѣлъ, что крѣпостное право, вредя личнымъ интересамъ и крестьянъ и помѣщиковъ, въ то же время не можетъ не вредить и интересамъ всего государства. Необезпеченность гражданской свободы и имущественной состоятельности подданныхъ не можетъ совмѣщаться съ благосостояніемъ государства. Крѣпостное право являлось въ глазахъ Милютина, какъ и въ глазахъ всѣхъ вдумчивыхъ наблюдателей тогдашней дѣйствительности, такой страшной общественной язвой, которая вносила отраву во всѣ стороны народной и государственной жизни. Какъ исцѣлить эту язву, — на это никто еще не могъ дать въ то время опредѣленнаго отвѣта. Но для Милютина представлялось несомнѣннымъ, что бороться съ этимъ зломъ и подготовлять такъ или иначе его исчезновеніе являлось нравственнымъ долгомъ каждаго честнаго русскаго патріота.

Поступивъ на службу въ министерство, Милютинъ не долго оставался въ неизвѣстности. Канцелярская рутина не могла засосать этого человѣка, полнаго жизненныхъ силъ, предпріимчивости и смѣлаго почина. Въ то дореформенное время, когда служебная дѣятельность чиновниковъ ограничивалась своевременной „очисткой“ бумагъ и когда канцеляріи сравнивались совершенно основательно съ громадными бумажными фабриками,—работы Милютина, въ которыхъ свѣтилась независимая живая мысль, тотчасъ же обратили на себя общее вниманіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Строгановъ, пораженный составленной Милютинымъ запиской о „голодѣ“, пожелалъ лично познакомится съ авторомъ. Получивъ приказаніе

явиться въ кабинетъ министра, Милютинъ — такъ онъ самъ вспоминалъ впослѣдствіи въ веселыя минуты—не на шутку испугался и сталъ уже подумывать о возможности внезапнаго путешествія въ восточныя губерніи. Увидѣвъ Милютина, министръ изумился еще болѣе: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы столь зрѣлый и выдающійся трудъ, какъ заинтересовавшая его записка, могъ вылиться изъ подъ пера такого молодого человѣка. Милютину было тогда 22 года. Въ видѣ испытанія министръ заставилъ Милютина тутъ же въ своемъ кабинетѣ написать новую записку—разборъ первоначальныхъ предположеній о заведеніи желѣзн. дор. въ Россіи. Испытаніе было выдержано съ честью, и съ этого момента будущность Милютина была рѣшена: передъ нимъ открывалось широкое поле государственной дѣятельности. Онъ сдѣлался незамѣнимымъ человѣкомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Преемникъ Строганова Перовскій не произнесъ ни одной рѣчи, не представилъ ни одного объясненія въ Государственный совѣтъ, которыя не были бы написаны рукою Милютина. При преемникѣ Перовскаго, Бибиковѣ—въ 50-хъ годахъ—Милютинъ уже занималъ въ министерствѣ видное мѣсто директора хозяйственнаго департамента, въ которомъ сосредоточивались дѣла по хозяйству всей Россіи. Когда однажды гр. Киселевъ освѣдомился у Бибикова, доволенъ ли онъ его племянникомъ, министръ выразился такъ: „Лучше его, спросите, доволенъ ли онъ мною; я же могу только сказать, что если бы Государь мнѣ велѣлъ уйти изъ министерства и самому назначить себѣ преемника, я, безъ всякаго колебанія, указалъ бы ему на Милютина".

Извѣстность не даромъ давалась Милютину, первые служебные шаги котораго живо напоминаютъ начало службы другого замѣчательнаго дѣятеля XIX вѣка—Сперанскаго. На ряду съ блестящими дарованіями Милютинъ проявлялъ необыкновенную рабочую силу. Въ недавно опубликованныхъ запискахъ жены Милютина находимъ указаніе, какъ онъ работалъ въ это время: «Мужъ ложился спать—читаемъ въ этихъ запискахъ—въ 3—4 часа утра. Вставалъ въ 10 часовъ. Въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не покидалъ дома иначе, какъ по службѣ, дѣлая исключеніе лишь для вел. кн. Елены Павловны (о которой у насъ будетъ рѣчь ниже) и для гр. Киселева». Уже въ это время крестьянскій вопросъ ставился на очередь въ работахъ правительства.

Въ 1847 г. былъ учрежденъ первый «секретный комитетъ» для подготовки улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Этотъ комитетъ, какъ и многіе другіе, за нимъ послѣдовавшіе, работалъ крайне вяло, боязливо, неохотно принимаясь за самый сложный и больной вопросъ того времени. Самъ Императоръ Николай I останавливался въ нерѣшительности передъ занимавшими его планами крестьянскаго освобожденія. Эта нерѣшительность всего лучше выразилась въ извѣстныхъ словахъ Государя, сказанныхъ имъ въ Государственномъ совѣтѣ: «Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ». Милютинъ стоялъ въ это время въ сторонѣ отъ правительственной разработки крестьянскаго вопроса и не возлагалъ розовыхъ надеждъ на дѣятельность секретныхъ комитетовъ. Онъ приходилъ къ тому убѣжденію, что реформа увѣнчается успѣхомъ лишь тогда, когда все общество встрепенется отъ своей спячки, и когда вопросъ о крѣпостномъ правѣ будетъ поставленъ во всей его широтѣ. Итакъ, оживить самодѣятельность общества — вотъ что представлялось теперь Милютину самой первой, самой насущной задачей. Служба по министерству внутреннихъ дѣлъ доставила ему скоро случай предпринять одну попытку въ этомъ направленіи. Въ 40-хъ годахъ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства начались работы по пересмотру Городового положенія. Управленіе городами производилось въ то время на основаніи Городового положенія, введеннаго еще при Екатеринѣ II въ 1785 г. Екатерининское положеніе явилось для своего времени крупнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ болѣе ранними порядками. Раньше при Петрѣ I и его преемникахъ управленіе городскимъ хозяйствомъ и городской полиціей дѣлились между „магистратами», учрежденіями выборными изъ среды городскихъ гражданъ, и воеводскими канцеляріями, въ которыхъ начальствовалъ воевода или губернаторъ, чиновникъ назначенный отъ короны. При этомъ магистраты составлялись изъ лицъ, принадлежавшихъ лишь къ одному сословію городскихъ обывателей: купцамъ и цеховымъ ремесленникамъ. Кругъ дѣлъ предоставленныхъ вѣдѣнію магистратовъ тоже касался лишь одного торгово-промышленнаго сословія городскихъ жителей и ограничивался почти исключительно наблюденіемъ за исправнымъ выполненіемъ

купцами ихъ казенныхъ повинностей и службъ. Дворяне, духовные и другія лица, не принадлежавшія къ купечеству и ремесленнымъ цехамъ, не участвовали въ магистраторскомъ правленіи и подчинялись прямо правительственнымъ чиновникамъ, поставленнымъ надъ городами. Такимъ образомъ, магистраты прошлаго столѣтія являли собой лишь блѣдную тѣнь настоящаго городского самоуправленія. Изданныя при Екатеринѣ II, въ 1785 г., «Жалованная грамота городамъ» и «Городовое положеніе» были попыткой вдохнуть новую жизнь въ устройство городского управленія. По законамъ Екатерины уже не одни только купцы и ремесленники, но и всѣ городскіе жители *безъ различія сословій*, владѣвшіе въ городѣ недвижимымъ имуществомъ, составляли изъ себя «городское общество», которое получало право самостоятельно завѣдывать хозяйствомъ и благоустройствомъ города. Это городское общество выбирало изъ своей среды членовъ „общей думы“ и „шестигласной думы“, которая соотвѣтствовала по своему назначенію нынѣшней городской управѣ. Предсѣдателемъ думы являлся также выборный городскимъ обществомъ городской голова. Благая цѣль всѣхъ этихъ новыхъ учрежденій заключалась въ томъ чтобы: 1) пріучить населеніе городовъ самому интересоваться своими нуждами и управлять своими общественными дѣлами и 2) сплотить въ этой общественной работѣ всѣ безъ различія классы городского населенія отъ дворянина до послѣдняго ремесленника. Екатерининское Городовое положеніе сохраняло силу закона въ теченіе всей первой половины XIX вѣка, но на практикѣ оно скоро и значительно исказилось. Тѣ цѣли, ради которыхъ оно было составлено, не были достигнуты. Общество не обнаружило стремленія къ дружной совмѣстной работѣ. Дворяне чуждались участія въ городскихъ думахъ на равной ногѣ съ купцами и ремесленниками. Съ другой стороны думы, не получая поддержки со стороны вліятельныхъ членовъ мѣстнаго дворянства, все сильнѣе и сильнѣе подчинялись власти губернскихъ правленій. Неясность и противорѣчивость нѣкоторыхъ статей закона открывали возможность для постоянныхъ недоразумѣній между этими учрежденіями, и думамъ нерѣдко приходилось при этомъ поступаться такими правами, которыя имъ были предоставлены самимъ Городовымъ положеніемъ. Ко времени царствованія Николая I всѣ эти прискорбныя явленія разрослись и утвердились до такой степени, что Екатерининское положеніе

продолжало существовать лишь по имени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ городскомъ управленіи водворились такіе безпорядки и злоупотребленія, что самъ Императоръ обратилъ на нихъ серьезное вниманіе. Тогда то министерству внутреннихъ дѣлъ было предписано выработать планъ необходимыхъ улучшеній въ городскомъ управленіи,—притомъ сначала въ видѣ опыта лишь для одного Петербурга. Исполненіе этой работы выпало на долю Милютина. То былъ первый крупный трудъ его молодости. Онъ выполнилъ этотъ трудъ съ своимъ обычнымъ жаромъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ его руководствомъ были собраны всѣ правительственныя постановленія о городахъ, начиная со времени Петра Великаго, произведено обслѣдованіе городского хозяйства и управленія современной Россіи, и въ особенности города Петербурга. Приступая къ составленію новаго положенія для города Петербурга, Милютинъ рѣшилъ возродить и дѣйствительно провести въ жизнь лучшія стороны Екатерининскаго положенія, искаженныя и ниспровергнутыя на практикѣ. Особенно хлопоталъ онъ о томъ, чтобы привлечь къ участію въ городскомъ самоуправленіи болѣе образованные слои городского населенія и придать городской думѣ подобающую ей самостоятельность при рѣшеніи подвѣдомственныхъ ей вопросовъ. Основанія его плана состояли въ слѣдующемъ. Общество городское образуютъ всѣ тѣ, кто живетъ въ городѣ осѣдло, т. е., или несетъ всѣ казенныя подати и повинности, или, не принадлежа къ податнымъ сословіямъ, владѣетъ въ чертѣ города недвижимостью. Къ послѣднему разряду относились дворяне, чиновники, духовенство. Чтобы пресѣчь уклоненія дворянъ отъ общественной службы по городскому управленію, для выбора гласныхъ въ думу устанавливались собранія гражданъ *по сословіямъ*. Такимъ образомъ, всѣ сословія безъ исключенія непремѣнно уже должны были выбрать въ думу изъ своей среды опредѣленное количество гласныхъ. Всего на всего „общая дума“ составлялась не менѣе, какъ изъ 600 человѣкъ. „Общая дума“ избирала затѣмъ изъ своей среды думу „распорядительную», которая, подобно шестигласной думѣ Екатерининскаго времени, соотвѣтствовала теперешней управѣ. 13 Февраля 1846 г. составленный Милютинымъ планъ получилъ силу закона и былъ введенъ въ дѣйствіе. Къ этому времени относится сближеніе Милютина съ княгиней Еленой Павловной. Здѣсь не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ объ этой замѣчательной женщи-

нѣ, сыгравшей крупную роль и въ жизни самого Милютина, и въ исторіи подготовки великой крестьянской реформы. Со времени смерти своего мужа, вел. князя Михаила Павловича, въ 1849 г. Елена Павловна заняла совершенно своеобразное положеніе въ придворныхъ кругахъ Петербурга. Одаренная свѣтлымъ и живымъ умомъ, серьезно образованная, доступная всѣмъ высшимъ духовнымъ интересамъ, она превратила свой дворецъ въ гостепріимный салонъ для всѣхъ, кто былъ отмѣченъ печатью ума и таланта. Представители искусства, литературы, науки чувствовали себя легко и свободно въ ея привѣтливой гостинной. Она неустанно слѣдила за всѣмъ окружающимъ. Вопросы общественной и политической жизни приковывали къ себѣ все ея вниманіе. Она подмѣчала и усваивала передовыя движенія общества и сочувствовала всей душой признакамъ общественнаго оживленія. Лишь только въ Петербургѣ заговорили о Милютинѣ по поводу его работъ по Городовому положенію, Елена Павловна пожелала съ нимъ познакомиться и попросила гр. Киселева привести къ ней его племянника. Съ этихъ поръ Милютинъ сталъ душою того просвѣщеннаго кружка, который сосредоточился около великой княгини. Ея дворецъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ политическаго клуба. Здѣсь разсуждали о законодательствѣ, управленіи, финансахъ, здѣсь мечтали о возрожденіи Россіи и прежде всего—объ освобожденіи крестьянъ. Наступало знаменательное время. Неудачи крымской войны, очищеніе Севастополя подъ натискомъ непріятеля пробудили общество. Точно электрическая искра пробѣжала по мыслящей Россіи. Повсюду заговорили о неизбѣжности введенія новыхъ порядковъ по всѣмъ частямъ управленія. Поднялись оживленные толки, ожесточенные споры. Пришла пора новымъ людямъ выступить на сцену. Новый Императоръ Александръ II. понялъ настроеніе общества, и скоро съ высоты престола раздался призывъ къ великому дѣлу освобожденія. Милютинъ вмѣстѣ съ другими передовыми людьми того времени рвался къ работѣ на пользу завѣтнаго дѣла, составлявшаго мечту его юности. На первый взглядъ обстоятельства складывались для него какъ нельзя болѣе благопріятно. Онъ имѣлъ сильную поддержку въ лицѣ великой княгини, въ тоже время должность министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. его непосредственнаго начальника, занялъ человѣкъ, съ которымъ его связала, несмотря на разницу лѣтъ, самая тѣсная дружба. То былъ

Сергѣй Степановичъ Ланской, мягкій и добродушный старикъ, не утратившій на склонѣ жизни душевной свѣжести. Переживая шестой десятокъ, онъ свято хранилъ въ памяти впечатлѣнія молодости, когда ему пришлось вращаться въ средѣ передовыхъ кружковъ Александровскаго царствованія. Теперь, когда, казалось, начинали сбываться его юношескія грезы, онъ—по выраженію записокъ жены Милютина—зубами схватился за этотъ счастливый случай послужить дѣлу освобожденія. Но преклонный возрастъ и прирожденная мягкость характера дѣлали для него слишкомъ трудной борьбу съ многочисленными врагами реформы. Онъ нуждался въ поддержкѣ и опорѣ. Легко понять, какъ оцѣнилъ Ланской молодого и предпріимчиваго Милютина. Все трудное время подготовки реформы Ланской и Милютинъ шли рука въ руку по скользкой и тернистой дорогѣ и вмѣстѣ же сошли съ нея, когда дѣло было сдѣлано, и пришлось уступить мѣсто людямъ иного закала, иныхъ убѣжденій. Разумѣется, лишь только освободилось мѣсто товарища министра, Ланской сталъ мечтать предоставить это мѣсто Милютину. Но тутъ встрѣтилось неожиданное препятствіе. Человѣкъ, твердо отстаивающій опредѣленные взгляды и строго проводящій ихъ въ жизнь, не можетъ не имѣть враговъ. У Милютина никогда не было въ нихъ недостатка. Были и личные враги, завидовавшіе его быстрымъ служебнымъ успѣхамъ, были и враги по убѣжденіямъ, которые смотрѣли со злобою на плоды его дѣятельности. Теперь, когда Милютину предстояло окончательно выдвинуться на первый планъ при выполненіи начинавшихся великихъ преобразованій, врачи его подняли голову. Въ 1858 г. въ Петербургской думѣ произошла маленькая непріятная исторія, которую поспѣшили раздуть въ крупное событіе. По постановленію думы, всѣмъ гражданамъ были разосланы обывательскія грамоты, въ которыхъ были опредѣлены права гражданъ на городскія владѣнія и на участіе въ думскихъ засѣданіяхъ. Дворянинъ Безобразовъ, подобно дворянамъ Екатерининской эпохи, считавшій унизительнымъ для дворянской чести засѣдать въ одномъ учрежденіи съ купцами и ремесленниками, возвратилъ грамоту думѣ при дерзко написанномъ письмѣ. Въ письмѣ говорилось, что онъ въ обывательской грамотѣ не нуждается, такъ какъ у него уже имѣются дворянскія грамоты, доказывающія его права на всевозможныя владѣнія. Дума составила протоколъ по поводу этого письма, а

одинъ неосторожный гласный тиснулъ этотъ протоколъ вмѣстѣ съ текстомъ Безобразовскаго письма въ „Русскій Вѣстникъ". Поднялась страшная буря. Петербургскій генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, давно уже точившій зубы на думу усмотрѣлъ въ обнародованіи думскаго протокола дерзкій вызовъ дворянству и правительству. Дѣло перешло въ Комитетъ министровъ. На неповинную думу посыпались страшныя обвиненія, при чемъ главнымъ виновникомъ многіе называли Милютина, творца новой Петербургской думы. Услужливые люди воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы очернить Милютина въ глазахъ самого Государя. Въ засѣданіи Комитета министровъ Государь громко назвалъ Милютина подозрительнымъ человѣкомъ. Милютинъ рѣшилъ проситься въ отставку, онъ зналъ, что его ожидаетъ вмѣстѣ съ отставкой: средствъ у него не было, жалованье составляло единственный источникъ его существованія. Онъ уже собирался посвятить себя срочной журнальной работѣ, твердо рѣшаясь, однако, пожертвовать собой, въ надеждѣ отвести этимъ ударъ отъ думы. Однако, туча понемногу разсѣялась. Когда Ланской доложилъ Государю о намѣреніи Милютина проситься въ отставку, Государь началъ подробно разспрашивать Ланского о его подчиненномъ. Разговоръ закончился вопросомъ Государя: — „Сергѣй Степановичъ, можешъ ты за него поручиться?" — „Какъ за самаго себя", не задумавшись отвѣтилъ почтенный старецъ. Тогда Государь сказалъ, что не видитъ необходимости въ отставкѣ Милютина. Разсчеты враговъ не оправдались. Исторія съ думой лишь увеличила извѣстность Милютина. Великая княгиня Елена Павловна усердно хлопотала объ упроченіи положенія Милютина, она убѣждала его чаще показываться въ обществѣ, отрываться по временамъ отъ кабинетнаго уединенія. „Пусть къ Вамъ привыкнутъ, говорила умная женщина, — пусть увидятъ, что чертъ не такъ страшенъ, какъ его изображаютъ". Но все же клевета оставила тлетворный слѣдъ, и когда поднялся вопросъ о назначеніи Милютина товарищемъ министра, Ланскому долго не удавалось уладить этого дѣла. Мѣсто было предложено кн. Дм. Оболенскому, но благородный Оболенскій отказался отъ назначенія, прямо указывая на Милютина, какъ на единственно достойнаго кандидата. Наконецъ, Милютинъ былъ назначенъ *временно* исправляющимъ должность товарища министра. Это временное назначеніе растянулось на два года,

такъ что Милютина называли въ шутку *временно-постоянным* товарищемъ министра. До этихъ поръ Милютину все еще не приходилось оффиціально примкнуть къ работамъ по крестьянскому вопросу. Между тѣмъ крестьянское дѣло разросталось. Въ Москвѣ на коронаціи Государь опредѣленно заявилъ о намѣреніи правительства приступить къ освобожденію. Затѣмъ, въ январѣ 1857 г. послѣдовало открытіе новаго секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ появился знаменитый Высочайшій рескриптъ виленскому генералъ-губернатору Назимову, въ которомъ заключался призывъ къ дворянству объ открытіи губернскихъ комитетовъ для составленія плановъ реформы. Наконецъ, мало-по-малу открылись по губерніямъ и приступили къ работамъ и самые комитеты. Теперь отступленіе было уже невозможно, предстояло напрячь всѣ силы, чтобы такъ или иначе довести до конца начатое дѣло. Хотя Милютинъ еще не выступалъ на сцену, но онъ уже принималъ разностороннее негласное участіе въ развитіи реформы, не разъ оказывая косвенное вліяніе на ея ходъ и на самую ея постановку. Прежде всего къ нему обратилась за совѣтомъ вел. кн. Елена Павловна, пожелавшая тотчасъ послѣ коронаціонной рѣчи Государя отпустить на волю крестьянъ своего имѣнія Карловки, Полтавской губерніи. Милютинъ горячо началъ убѣждать вел. княгиню не ограничиваться однимъ порывомъ личнаго великодушія, но воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представить правительству нѣкоторыя уже разработанныя общія основанія освобожденія и поземельнаго устройства бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ хотѣлъ, чтобы эти „общія основанія“ послужили затѣмъ образцомъ и отправной точкой для проведенія реформы и во всей имперіи. Милютинъ предлагалъ также, чтобы выработанныя для имѣнія Карловки основанія освобожденія были предложены на обсужденіе комитета изъ дворянъ Полтавской губерніи. Такъ мысль объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ впервые была высказана Милютинымъ еще тогда, когда онъ оставался, такъ сказать, за кулисами оффиціальныхъ работъ по крестьянской части. А когда эта мысль пошла въ ходъ и была провозглашена въ Высочайшемъ рескриптѣ Назимову, Милютинъ тотчасъ же постарался огласить ее на всю Россію. По его совѣту Ланской приказалъ въ одну ночь наготовить громадное количество экземпляровъ этого рескрипта. Въ такомъ дѣлѣ,

гдѣ яростно боролись враждебныя партіи, нельзя было медлить ни минуты. Могли наступить неожиданные повороты въ настроеніи правящихъ сферъ. Приходилось „ковать безъ оглядки". Всю ночь лихорадочно работала типографія. Къ утру были готовы цѣлыя горы экземпляровъ Высочайшаго рескрипта, а черезъ нѣсколько часовъ онѣ разлетѣлись отдѣльными листками по всей имперіи, разнося повсюду призывъ къ борьбѣ съ рабствомъ. Наконецъ, насталъ часъ самого Милютина, и онъ могъ открыто занять подобающее мѣсто среди созидателей великой реформы.

Чѣмъ ближе подходили къ концу работы губернскихъ комитетовъ по крестьянскому вопросу, тѣмъ настойчивѣе поднимался вопросъ, какъ завершить предпринятое дѣло, кому поручить объединеніе и согласованіе комитетскихъ проектовъ? Вопросъ этотъ являлся чрезвычайно важнымъ. Въ чьи руки попадетъ окончаніе дѣла,—отъ этого зависѣлъ весь исходъ реформы, которой вся Россія дожидалась съ трепетнымъ волненіемъ. Скоро узнали, на комъ остановился выборъ Государя. То былъ военный генералъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Въ началѣ это имя мало говорило публикѣ. Никто не зналъ, въ какомъ духѣ онъ способенъ повести порученное ему дѣло. Одушевленный горячимъ сочувствіемъ планамъ освобожденія, Ростовцевъ однако, мало былъ освѣдомленъ въ подробностяхъ вопроса и долго держалъ сторону тѣхъ, которые склоняли Государя къ боязливой постепенности и хотѣли добиться отсрочки реформы. Лишь впослѣдствіи Ростовцевъ проникся той вѣрой въ успѣхъ и рѣшимостью, которую онъ встрѣтилъ въ своихъ сотрудникахъ. Подборъ этихъ сотрудниковъ и рѣшилъ все дѣло.

Вскорѣ послѣ назначенія Ростовцева, Милютинъ въ качествѣ товарища министра имѣлъ частную аудіенцію у Государя. Бесѣда шла все о томъ же, что занимало тогда всякаго русскаго человѣка. Тогда-то Милютинъ высказалъ Государю мысль, что хорошо бы въ помощь Ростовцеву составить особое совѣщаніе изъ представителей разныхъ министерствъ, а также и изъ нѣкоторыхъ лицъ изъ среды провинціальныхъ помѣщиковъ. Мысль эта улыбнулась Государю, и такимъ образомъ учредилась такъ называемая *„редакціонная комиссія"*, подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, которой было поручено составить сводъ всѣхъ отдѣльныхъ проектовъ, присланныхъ изъ губернскихъ комитетовъ, и начертать на основаніи этого свода положеніе

о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Выборъ членовъ былъ предоставленъ Ростовцеву, а этотъ послѣдній прибѣгъ къ помощи Милютина. Теперь-то посыпались радостныя искры изъ-подъ молота „кузнеца-гражданина". Онъ сдѣлался настоящимъ вождемъ редакціонной комиссіи, куда поспѣшилъ собрать изъ разныхъ уголковъ Россіи выдающихся провинціальныхъ помѣщиковъ, которые уже заявили себя въ губернскихъ комитетахъ свѣтлымъ умомъ, глубокимъ знаніемъ народнаго быта, благородной борьбой за крестьянскіе интересы. Съ какими чувствами звалъ онъ ихъ въ столицу на великое дѣло, и какъ откликнулись они на этотъ зовъ, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующихъ отрывковъ писемъ того времени. Вотъ что писалъ онъ въ Самарскую губернію Юрію Ѳедоровичу Самарину, съ которымъ уже раньше успѣлъ подружиться, какъ съ убѣжденнымъ и просвѣщеннымъ сторонникомъ крестьянскаго освобожденія. „...Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни..." А Самаринъ закончилъ свое отвѣтное письмо, гдѣ выражалъ радостную готовность схватиться за работу, слѣдующими стихами Хомякова:

«Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Доколѣ не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!..»

Въ апрѣлѣ 1859 г. начали съѣзжаться въ Петербургъ вызванные изъ провинціи эксперты помѣщики.

«Весенними птицами слетѣлись они со всѣхъ концовъ Россіи», пишетъ въ своихъ запискахъ супруга Милютина, «въ одну группу, покидая жену и дѣтей, кто свой безвыѣздный деревенскій уголъ, всѣ свои частныя дѣла и занятія, пріѣзжая (безвозмездно) въ Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ столько мукъ всякаго рода, столько безсонныхъ ночей, проведенныхъ за работою, такая напряженная борьба, такая странная неблагодарность!»

II.

Въ пылу борьбы.

Въ мартѣ 1859 г. начались засѣданія редакціонныхъ комиссій. Имъ предстояло собственно заняться сведеніемъ воедино различныхъ проектовъ, которые были составляемы въ губернскихъ комитетахъ. Но работы редакціонныхъ комиссій очень скоро приняли другой, болѣе самостоятельный характеръ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ проектахъ губернскихъ комитетовъ оказалась страшная разноголосица, согласить ихъ другъ съ другомъ, составить на основаніи ихъ одно сводное положеніе—нечего было и думать. И вотъ, редакціонныя комиссіи начинаютъ вырабатывать свое собственное «положеніе», въ которомъ стараются поставить дѣло реформы какъ можно шире. Этому-то «положенію» и предстояло затѣмъ поступить на окончательное разсмотрѣніе въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, а потомъ въ Государственный совѣтъ.

Такъ на долю редакціонныхъ комиссій выпала въ концѣ-концовъ самая важная, отвѣтственная и рѣшающая роль въ подготовкѣ крестьянской реформы, а душою этихъ комиссій явился, безспорно, Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Теперь-то онъ могъ, наконецъ, открыто занять подобающее ему мѣсто среди работниковъ великаго дѣла. И онъ отдался работѣ весь безъ остатка. Всѣ эти достопамятные годъ и семь мѣсяцевъ, во время которыхъ шли засѣданія комиссій (съ 4 марта 1859 г. по 19 октября 1860 г.), Милютинъ, можно сказать, горѣлъ лихорадкой работы. Для всѣхъ было ясно то первенствующее положеніе, которое заняли комиссіи въ крестьянскомъ дѣлѣ. Комиссіи работали на виду у всей Россіи. Каждый ихъ шагъ былъ полонъ великой отвѣтственности передъ современниками

и потомствомъ, получалъ громадное значеніе для окончательнаго исхода реформы. Поборники крестьянской свободы понимали, что насталъ тотъ послѣдній часъ, когда нужно напрячь всѣ силы для выигрыша дѣла. Въ это время развертывается во всю ширь присущій Милютину блестящій талантъ государственнаго дѣятеля, политическаго вождя. Среди членовъ комиссій было не мало людей незаурядныхъ дарованій и глубокихъ познаній. Но стоило лишь прислушаться къ тому, чье имя повторялось всего чаще въ злобныхъ вопляхъ, какими встрѣчали крѣпостники каждое новое засѣданіе комиссіи, и тотчасъ становилось ясно, что истиннымъ вождемъ комиссій являлся Милютинъ. Коммиссіи раздѣлялись на нѣсколько отдѣленій—хозяйственное, административное, финансовое и юридическое. Милютинъ работалъ во всѣхъ этихъ отдѣленіяхъ, въ хозяйственномъ кромѣ того несъ обязанности предсѣдателя и, наконецъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ общихъ засѣданіяхъ всѣхъ отдѣленій. И въ каждомъ засѣданіи, при всѣхъ многоразличныхъ столкновеніяхъ, при всякой обстановкѣ—онъ былъ одинъ и тотъ же. Всегда убѣдительно краснорѣчивый, съ необыкновенной легкостью и ясностью схватывающій самую суть каждаго вопроса, всегда неподкупно послѣдовательный въ своихъ убѣжденіяхъ, полный сознанія своей правоты и съ неуклоннымъ упорствомъ отстаивающій правое дѣло отъ всевозможныхъ посягательствъ, наконецъ, всегда готовый къ пылкому и находчивому отвѣту на вызовъ врага,—онъ невольно подчинялъ окружающихъ власти своего нравственнаго вліянія.

Много мужественной стойкости требовалось отъ членовъ комиссій. Недаромъ, призывая Самарина въ Петербургъ, Милютинъ пророчески писалъ о предстоящихъ работахъ: «мы будемъ не на розахъ». Правда, въ безкорыстномъ сочувствіи къ дѣлу комиссій не было недостатка. Всѣ, кто привыкъ лелѣять въ глубинѣ души завѣтную мечту о волѣ, всѣ, кто умѣлъ серьезно вдумываться въ окружающую жизнь и выставленныя временемъ требованія, слѣдили за работами комиссій съ чувствомъ благожелательной надежды. Отзвуки этихъ надеждъ долетали и до самыхъ участниковъ комиссій, нерѣдко въ весьма трогательныхъ формахъ. Жена Милютина приводитъ, напримѣръ, въ своихъ запискахъ слѣдующую любопытную подробность. Засѣданія хозяйственнаго отдѣленія, въ которомъ Милю-

тинъ былъ предсѣдателемъ, происходили въ лѣтнее время на дачѣ Милютиныхъ подъ Петербургомъ. «Въ свѣтлыя, теплыя ночи столъ иногда выносился въ садикъ и ставился среди душистыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданія начинались около 8 часовъ вечера и часто длились до 5 часовъ утра. Окончаніе споровъ происходило уже за ужиномъ. Первое время не доставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ. *Окрестные работники и крестьяне, извозчики и лодочники скоро разузнали, какого рода эти собранія, и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ выразить членамъ комиссіи свое участіе и благодарность*„.

Были люди, даже изъ-за стѣнъ тюрьмы съ жаднымъ вниманіемъ слѣдившіе за работами по крестьянскому вопросу. Въ одномъ изъ засѣданій комиссіи была читана записка, присланная изъ Саратова отъ одного изъ арестантовъ саратовскаго тюремнаго замка. Авторъ сообщалъ нѣкоторые совѣты насчетъ способовъ выясненія крестьянамъ приближавшейся перемѣны въ ихъ положеніи; записка заканчивалась слѣдующими словами: „я говорю изъ-за рубежа своей могилы, говорю отъ полноты желанія добра отчизнѣ, не изъ жажды славы и наградъ,—онѣ не нужны мнѣ. Живому мертвецу осталось въ удѣлъ одно—стараться быть полезнымъ, чѣмъ можно, стремиться къ этому всей силою воли, если только и это святое право человѣка не отнимутъ люди“. Наконецъ, сочувствіе тѣмъ основаніямъ реформы, которыхъ держались редакціонныя коммиссіи, выражалось въ тогдашней печати и журналистикѣ, серьезно занявшейся крестьянскимъ вопросомъ, лишь только къ тому представилась возможность.

Но если не было недостатка въ сочувствіи къ работамъ коммиссіи, то тѣмъ ожесточеннѣе прорывалась злоба и вражда со стороны тѣхъ людей, которые, скрѣпя сердце, подчинились призыву правительства къ упраздненію стараго порядка и теперь, когда дѣло было уже въ полномъ ходу, старались изо всѣхъ силъ затормазить его успѣхи, по возможности ограничить размѣры задуманныхъ перемѣнъ, спасти изъ прошлаго все то, что только казалось возможнымъ. На членовъ коммиссій съ Милютинымъ во главѣ сыпались тяжкія обвиненія. Ихъ называли петербургскими чиновниками, не знающими русской жизни и деревенскаго быта, ихъ объявляли честолюбцами, желающими прислужиться начальству и нахватать орденовъ и

отличій, и въ тоже самое время ихъ клеймили, какъ враговъ государственнаго порядка и спокойствія, стремящихся къ безначалію и всеобщему возмущенію: многіе были убѣждены въ то время, что стоитъ только дать крестьянамъ свободу, и вся Россія тотчасъ будетъ охвачена пожаромъ революціи.

Разумѣется, во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ обвиненіяхъ не было ни слова правды, ни капли смысла. Мы уже знаемъ, что за столомъ редакціонныхъ коммиссій на ряду съ членами-чиновниками засѣдали образованнѣйшіе и опытнѣйшіе помѣщики-хозяева, составлявшіе лучшій цвѣтъ тогдашняго помѣстнаго дворянства, доказавшіе литературными трудами и практической своей дѣятельностью глубокое знаніе и пониманіе русской жизни. Имена Юрія Самарина, кн. Черкасскаго говорили сами за себя, и только сознательная недобросовѣстность могла внушать обвиненія коммиссій въ канцеляризмѣ и чиновничьемъ принебреженіи къ явленіямъ русской дѣятельности. А насколько справедливы были страхи крѣпостниковъ передъ всеобщимъ мятежемъ освобожденнаго крестьянства, это доказала сама жизнь, на знаніе которой крѣпостники ссылались. Цѣпи рабства пали, но народъ остался спокоенъ, несмотря на то, что реформа въ томъ видѣ, какъ она окончательно завершилась, далеко еще не оправдала всѣхъ тѣхъ надеждъ, съ которыми ее ожидали крестьяне.

Чѣмъ же вызывались всѣ эти обвиненія и клеветы, обильнымъ дождемъ сыпавшіяся на членовъ коммиссій и болѣе всего на ихъ главнаго вдохновителя Милютина? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень легко. Составляя проектъ положенія о новомъ устройствѣ крестьянъ, подлежавшихъ освобожденію отъ крѣпостного права, редакціонныя коммиссіи съ самаго начала постановили себѣ правиломъ — прежде всего стремиться къ удовлетворенію интересовъ *крестьянъ*. „Крестьяне не имѣютъ своихъ представителей ни въ губернскихъ комитетахъ, ни въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, они лишены возможности сами постоять за себя, замолвить слово о своихъ нуждахъ, между тѣмъ какъ дворяне-помѣщики созваны для совѣщаній въ губернскіе комитеты и имѣютъ представителей своего сословія на всѣхъ высшихъ мѣстахъ государственной службы. Это возлагаетъ на насъ нравственную обязанность взять крестьянскіе интересы подъ свою защиту, подходить къ обсужденію каждаго вопроса прежде всего съ

точки зрѣнія безмолвнаго и безотвѣтнаго крестьянина". Такъ разсуждали самые видные члены редакціонныхъ коммиссій—Милютинъ, Самаринъ, Черкасскій, Соловьевъ и др., и это разсужденіе они положили въ основу своихъ дѣйствій. Чѣмъ же, кромѣ злобы и клеветы, могли наградить ихъ тѣ изъ помѣщиковъ-дворянъ, которые не въ силахъ были возвысить полетъ своей мысли надъ близорукими личными разсчетами?

Ко времени открытія редакціонныхъ коммиссій основныя начала реформы болѣе или менѣе уже выяснились. Было рѣшено, что личную свободу отъ рабства крестьяне получатъ безвозмездно, и что вмѣстѣ съ личной свободой имъ будетъ предоставлена часть помѣщичьей земли за извѣстное вознагражденіе. Правда, и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ поднялись было на первыхъ порахъ два голоса за безземельное, освобожденіе. Но, встрѣченные дружнымъ отпоромъ со стороны всѣхъ прочихъ членовъ, эти голоса скоро должны были умолкнуть. „Вы хотите", сказалъ по этому поводу предсѣдатель коммиссій Ростовцевъ —„дать крестьянамъ свободу птицъ? Мы тоже хотимъ дать имъ свободу птицъ, но только *съ гнѣздомъ*". Итакъ, общіе вопросы были покончены. Но теперь поднимался новый жгучій вопросъ, по которому и не замедлила возгорѣться ожесточеннѣйшая борьба.

Надо было рѣшить, *сколько* земли слѣдуетъ предоставить освобожденному крестьянину, и *во что* должно оцѣнить вознагражденіе за уступаемую ему землю. Урѣзать размѣры крестьянскаго земельнаго надѣла и вздуть, насколько возможно, оброчные и выкупные платежи за землю—вотъ на что направились теперь усилія и заботы крѣпостниковъ. Редакціонныя коммиссіи съ самаго начала своихъ работъ выставили основнымъ правиломъ, чтобы крестьянамъ при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости было отведено такое количество земли, *которое было бы вполнѣ достаточно для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ*. Какимъ же путемъ могло быть опредѣлено это количество? Коммиссіи рѣшили оставить за крестьянами въ общемъ тѣ самые земельные надѣлы, которые были имъ выдѣлены самими помѣщиками еще при существованіи крѣпостного права.

Впрочемъ, выдержать это начало во всѣхъ случаяхъ безъ всякихъ отступленій не представлялось возможнымъ.

Дѣло въ томъ, что при крѣпостномъ правѣ встрѣчались и такіе помѣщики, которые предоставляли крестьянамъ *всю землю* за платежъ оброка: этихъ помѣщиковъ пришлось бы окончательно обезземелить на основаніи правила о сохраненіи за крестьянами всѣхъ прежнихъ надѣловъ; съ другой стороны бывали и такіе помѣщики, которые совершенно обезземеливали своихъ крестьянъ: въ такихъ случаяхъ примѣненіе этого правила оказалось бы губительнымъ для интересовъ крестьянина. И вотъ, примѣняясь къ существовавшимъ ранѣе крестьянскимъ надѣламъ, коммиссіи рѣшили установить для каждой мѣстности *высшій* и *низшій* предѣлъ для размѣровъ крестьянскаго земельнаго надѣла. Въ тѣхъ случаяхъ, когда прежній надѣлъ превышалъ этотъ *высшій* размѣръ, помѣщикъ получалъ право при освобожденіи *отрѣзать* себѣ отъ него получившійся излишекъ. Наоборотъ, если прежній надѣлъ не дохватывалъ даже до низшаго размѣра, установленнаго положеніемъ, недостающая часть должна была быть прирѣзана изъ помѣщичьей земли. Приступивъ къ опредѣленію этихъ высшихъ и низшихъ предѣловъ для различныхъ мѣстностей Россіи, коммиссіи постановили необходимымъ назначать такіе высшіе размѣры надѣловъ, чтобы отрѣзка излишнихъ крестьянскихъ угодій не могла сдѣлаться общимъ правиломъ, но являлась бы лишь въ видѣ исключенія. По этому-то пункту имъ и предстояло выдержать бурный натискъ представителей помѣщичьихъ интересовъ.

Когда работы коммиссій значительно подвинулись впередъ, въ Петербургъ были вызваны депутаты отъ провинціальнаго дворянства, которые должны были дать свои заключенія на предположенія коммиссій. Несмотря на то, что всѣ работы коммиссій были проникнуты духомъ неизмѣнной умѣренности и осторожности, первое же ознакомленіе съ этими работами вызвало въ средѣ дворянскихъ депутатовъ шумный взрывъ негодованья. Депутаты были внѣ себя, они кричали, что „петербургскіе чиновники“, засѣвшіе въ коммиссіяхъ, рѣшили ограбить русское дворянство, что размѣры предположенныхъ крестьянскихъ надѣловъ нестерпимо громадны, что необходимо вырвать все дѣло изъ рукъ коммиссій. Это были жаркіе и тяжелые дни для Милютина и его партіи. Крѣпостники готовились подать Государю адресъ съ просьбой уничтожить всѣ работы губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій, составить въ Петербургѣ

новую коммиссію взамѣнъ редакціонной и разработать планъ реформы на началахъ *безземельнаго* крестьянскаго освобожденія.

Этотъ планъ не удался. Въ самый разгаръ волненій дворянскихъ депутатовъ Милютинъ и Соловьевъ составили записку о положеніи работъ по крестьянскому вопросу, которая была представлена Государю министромъ внутреннихъ нихъ дѣлъ Ланскимъ. Записка оканчивалась слѣдующими словами: „уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и *никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ*". Государь написалъ на поляхъ противъ этого мѣста: „нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями".

Эти слова явились ободряющей опорой для Милютина и его друзей въ минуту испытанія. Милютинъ увидѣлъ въ нихъ залогъ того, что попытка депутатовъ направить потокъ событій въ другое русло обречена на неудачу. Однако, это еще не значило, что усилія депутатовъ останутся совершенно безслѣдными. И дѣйствительно, подъ напоромъ ихъ требованій первоначально предположенные высшіе размѣры крестьянскихъ надѣловъ нѣсколько разъ были уменьшаемы, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшались и низшіе размѣры, такъ какъ низшій надѣлъ вообще положено было приравнивать ½ части высшаго. Партія Милютина, гдѣ только было можно, шагъ за шагомъ отстаивала интересы крестьянина. Но ей не разъ приходилось отступать съ поля битвы послѣ горячихъ стычекъ. Эти затрудненія еще болѣе разрослись съ перемѣной предсѣдателя коммиссій.

Раньше коммиссіямъ приходилось бороться лишь съ внѣшними врагами, пріѣзжими изъ провинціи депутатами. Со смертью Ростовцева и вступленіемъ на его мѣсто графа Панина крѣпостническая интрига проникла въ нѣдра самихъ коммиссій въ лицѣ ихъ новаго предсѣдателя.

Ростовцевъ, первоначально мало освѣдомленный въ крестьянскомъ вопросѣ, постепенно проникся горячимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія. Не даромъ въ отвѣтъ на назначеніе предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій изъ подъ его пера вылились слѣдующія строки, согрѣтыя живымъ одушевленіемъ: „Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ коммиссій...принимаю не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, благоговѣніемъ, со страхомъ и чувствомъ долга. *Съ молитвою* къ Богу, что Онъ спо-

одбилъ меня оправдать довѣріе Государя, съ *благоговѣніемъ* къ Государю, удостоившему меня такого святого призванія, *со страхомъ* передъ Россіей и предъ потомствомъ, съ *чувствомъ долга* передъ моею совѣстью". Дѣятельность Ростовцева въ качествѣ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій доказала, что приведенныя только что строки нь были пустымъ звукомъ. Поборники интересовъ освобождае емаго могли съ покойнымъ довѣріемъ разсчитать на его сочувствіе и поддержку. Онъ слилъ свою судьбу съ судьбой коммиссіи, онъ дѣлилъ съ послѣдней и сладость труда и отраву враждебныхъ клеветъ.

И вотъ въ самый разгаръ работы на предсѣдательскомъ креслѣ вмѣсто Ростовцева появляется новая длинная сухощавая фигура графа Панина съ безстрастно спокойнымъ лицомъ, съ тяжелымъ, угрюмо-тусклымъ взглядомъ изъ подъ нависшихъ бровей. Новому предсѣдателю предшествовала очень опредѣленая репутація. Увы!—эта репутація не сулила ничего хорошаго для сторонниковъ подготовляемой реформы. Графъ Панинъ былъ извѣстенъ, какъ узкій и упрямый формалистъ, закоснѣвшій въ мертвой канцелярщинѣ стараго времени, и—что еще хуже,—какъ ярый и послѣдовательный крѣпостникъ. Такое назначеніе въ самую рѣшительную минуту,—когда вѣсы боровшихся интересовъ нервно колебались то въ ту, то въ другую сторону, когда друзьямъ свободы приходилось отстаивать каждый свой шагъ цѣною жаркой борьбы,—явилась неожиданнымъ тяжелымъ ударомъ для Милютина и его кружка. Столько уже было вынесено тревогъ за исходъ дорогого дѣла, и вотъ, когда впереди замелькалъ желанный берегъ, на горизонтѣ поднялась новая туча. Былъ моментъ, когда члены редакціонныхъ коммиссій, ошеломленные назначеніемъ гр. Панина, заговорили уже о томъ чтобы сообща подать въ отставку. Это рѣшеніе было оставлено подъ вліяніемъ увѣщаній великаго князя Константина Николаевича. Другой заботливый „ангелъ-хранитель" подготовлявшейся реформы, великая княгиня Елена Павловна, поспѣшила передать Государю, какія тревоги породило появленіе Панина во главѣ коммиссій. Государь отвѣчалъ ей успокоительными словами: „Вы не знаете графа Панина; его убѣжденія—это точное исполненіе Моихъ приказаній".

Въ разговорахъ съ представителями крѣпостническаго лагеря Панинъ самъ такъ объяснялъ свое назначеніе въ предсѣдатели коммиссій: „Я всю жизнь подписывалъ вещи,

несогласныя съ моими убѣжденіями»",

Итакъ, назначеніе Панина не выражало перемѣны въ намѣреніяхъ Государя. Напротивъ, Государь продолжалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявлять свою непремѣнную волю, чтобы реформа безотлагательно была доведена до конца. Въ этомъ смыслѣ онъ высказался и самому Милютину, удостоивъ послѣдняго длинной бесѣдой на одномъ изъ вечеровъ вел. княгини Елены Павловны. Тѣмъ не менѣе, перемѣна предсѣдателя тяжело отозвалась на работахъ коммиссій. Конечно, Панинъ не проявлялъ открытаго противодѣйствія намѣреніямъ Государя. Но его несочувствіе основнымъ началамъ реформы невольно сказывалось при обсужденіи ея частностей, а эти частности сплошь и рядомъ имѣли глубоко-важное значеніе для всего дѣла. Въ засѣданіяхъ коммиссій начали разыгрываться рѣзкія сцены, вызываемыя тѣми уловками, къ которымъ прибѣгалъ предсѣдатель, чтобы осложнить и затянуть работу коммиссій.

Прежде всего, Панинъ сдѣлалъ попытку убѣдить коммиссіи взять назадъ нѣкоторыя положенія, уже принятыя и рѣшенныя при предсѣдательствѣ Ростовцева. Милютинъ тотчасъ понялъ всю опасность этой попытки. Стоило только встать на этотъ скользкій путь, и впереди открывалась возможность постепенной ломки всего, что съ такимъ трудомъ было уже создано. Милютинъ возсталъ противъ поползновеній Панина со всѣмъ жаромъ своего сердца, со всей неотразимой силой своего краснорѣчія. До появленія Панина было уже постановлено написать въ проектѣ, что земельные надѣлы поступаютъ впредь до выкупа въ *безсрочное пользованіе* крестьянъ. Эти слова были очень важны, ими обезпечивалась неотъемлемая принадлежность земельнаго надѣла крестьянину, ими опредѣленно установлялось, что помѣщикъ никоимъ образомъ не можетъ отобрать надѣла, пользуясь тѣмъ, что выкупъ еще не совершился. Теперь Панинъ предложилъ опустить выраженіе „безсрочное пользованіе". Милютинъ, кн. Черкасскій и Самаринъ отвѣчали на это предложеніе горячими возраженіями. Они указали на то, среди какихъ превратностей подвигается дѣло реформы, какъ страстно жаждутъ многіе помѣщики *безземельнаго* освобожденія, съ какимъ рвеніемъ они будутъ истолковывать въ свою пользу всякую неясность, всякое умолчаніе въ текстѣ закона! Они подчеркнули затѣмъ, какъ вредно могутъ отозваться на ходѣ дѣла отступленія отъ принятыхъ однажды рѣшеній. Если допустить — сказалъ между про-

чимъ Милютинъ—измѣненіе столь важнаго пункта, какъ «безсрочное пользованіе», то „мы окажемся подъ тяжкимъ гнетомъ опасенія, что всѣ наши работы могутъ быть уничтожены!" Этой внушительной и откровенной отповѣдью коварная вылазка крѣпостниковъ была отбита.

Съ той же цѣлью подкопаться, хотя бы ксовенно, подъ «обезсрочное пользованіе» надѣломъ крѣпостники пробовали и другой маневръ. Впредь до совершенія выкупа надѣльной земли крестьяне должны были платить помѣщику оброкъ за пользованіе надѣломъ. Размѣры оброка были опредѣлены «положеніемъ». И вотъ, возникалъ вопросъ—оставить ли установленные оброки неизмѣнными вплоть до выкупа, или допустить возможность переоброчки черезъ извѣстный промежутокъ времени? Легко понять, что допущеніе переоброчки ослабило бы для крестьянъ значеніе права на безсрочное пользованіе надѣломъ. Переоброчка неминуемо повела бы къ усиленному повышенію оброковъ и затянула бы согласіе многихъ помѣщиковъ на выкупъ. Немудрено, что съ различныхъ сторонъ раздавались голоса въ пользу переоброчки. И въ этомъ случаѣ Милютинъ выступилъ съ энергичной защитой первоначальныхъ предположеній. Въ концѣ концовъ переоброчка была принята, но для нея умышленно былъ назначенъ продолжительный срокъ въ 20 лѣтъ въ той надеждѣ, что ко времени наступленія этого срока добровольный выкупъ всѣхъ крестьянскихъ надѣловъ будетъ уже вполнѣ законченъ. Какъ извѣстно, эта надежда не оправдалась: прошло 20 лѣтъ со времени объявленія «воли» , а выкупъ далеко еще не былъ завершенъ. Но не сбылись и планы тѣхъ, кто мечталъ о переоброчкѣ. Когда наступилъ ей срокъ по проществіи 20 лѣтъ, она была отсрочена по Высочайше утвержденному мнѣнію Комитета министровъ, а затѣмъ въ концѣ 1881 г. Высочайшимъ указомъ выкупъ изъ добровольнаго былъ превращенъ въ обязательный, и вопросъ о переоброчкѣ устранился самъ собою.

Приведемъ, наконецъ, еще одинъ примѣръ ухищренныхъ поползновеній Панина, которыми онъ старался угодить крѣпостнической партіи, и противъ которыхъ довелось бороться Милютину. Снова поднялся вопросъ о размѣрахъ земельнаго надѣла. Мы уже знаемъ, что крѣпостники пробовали всѣ средства, чтобы добиться уменьшенія надѣловъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Гр Панинъ пустилъ въ ходъ съ этою цѣлью новую уловку, прикры-

вая ее личиной благожелательной заботливости объ интересахъ крестьянина. „Не будемъ ни въ чемъ стѣснять крестьянъ—предложилъ онъ,—предоставимъ имъ свободу *уменьшать* свой надѣлъ, если они того сами пожелаютъ, предоставимъ имъ *отказываться* отъ земли по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ". Милютинъ поспѣшилъ раскрыть тайныя мысли, окутанныя этими гуманными фразами: „Допустимъ,—говорилъ онъ въ отвѣтъ гр. Панину,—допустимъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ помѣщикамъ удастся склонить крестьянъ къ отказу отъ части своего надѣла за какія-нибудь другія временныя льготы. Крестьяне могутъ пойти на подобную сдѣлку, особенно когда эти временныя льготы будутъ имъ предложены въ критическую для нихъ минуту; но редакціонныя коммиссіи должны смотрѣть на дѣло шире и глубже; исходя не отъ отдѣльныхъ фактовъ, а отъ общегосударственныхъ соображеній, они должны оградить крестьянъ не только отъ полнаго обезземеленія, но и отъ уменьшенія ихъ надѣловъ. Временныя выгоды отдѣльныхъ крестьянъ не могутъ заслонять въ нашихъ глазахъ общихъ интересовъ освобождаемаго народа». Таковы были, если не подлинныя слова, то основныя мысли Милютинскаго отвѣта на предложеніе Панина. И на этотъ разъ Милютину удалось при помощи сочувствующихъ ему членовъ отразить вылазку крѣпостниковъ... и только позднѣе, уже не въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, а въ Государственномъ совѣтѣ мысль Панина снова всплыла наружу и, къ несчастью, уже не такъ безплодно: по предложенію кн. Гагарина въ «положеніе» было включено правило о даровомъ, или такъ называемомъ „нищенскомъ" надѣлѣ. Тягостныя послѣдствія этой мѣры для крестьянъ достаточно извѣстны.

Итакъ, всѣ попытки новаго предсѣдателя свернуть работу коммиссій съ намѣченной ранѣе колеи разбивались о дружное противодѣйствіе Милютинскаго кружка. Тогда Панинъ началъ прибѣгать къ уловкамъ другого рода. Онъ старался всячески затормазить занятія коммиссій: затягивалъ пренія, задерживалъ протоколы, назначалъ засѣданія въ дни, не удобные для членовъ, наконецъ, позволялъ себѣ даже „подправлять" протоколы засѣданій въ духѣ собственныхъ взглядовъ. Съ такими пріемами приходилось бороться путемъ открытаго изобличенія недобросовѣстныхъ дѣйствій: Милютинъ не остановился и передъ такой борьбой. Засѣданія все чаще и чаще сопровождались тяжелыми,

удручающими столкновеніями. Однажды Милютинъ съ несомнѣнностью доказалъ неправильность, умышленно допущенную въ протоколѣ, Панинъ затрясся, поблѣднѣлъ и задыхаясь крикнулъ: „Такъ это, значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мною въ первый разъ въ моей жизни".

Легко понять, какимъ опасностямъ подвергалъ себя Милютинъ въ этотъ бурный періодъ дѣятельности коммиссій. Онъ наживалъ непримиримыхъ враговъ своими рѣзкими обличеніями. Но что же было дѣлать? Положеніе становилось весьма серьезнымъ. Работа коммиссій близилась къ концу. Нужно было *съ честью* завершить дѣло, въ которое было вложено столько усилій и упованій. И Милютинъ, въ которомъ билась жилка трибуна, неизмѣнно бросался первымъ въ самый пылъ борьбы, готовый жертвовать карьерой и даже жизнью. Да, и жизнью;—горячія словесныя схватки послѣднихъ засѣданій едва не окончились для Милютина дуэлью. Возмущенный неблаговидными пріемами одного члена, Милютинъ бросилъ ему въ упоръ слѣдующее обвиненіе: „Ваши дѣйствія неблаговидны. Я знаю, что вы хотите только подслужиться извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ коммиссіямъ. Какъ вы служили 30 лѣтъ, мы не знаемъ, но все, что вы написали противъ коммиссій, дѣлаетъ васъ недостойнымъ быть въ средѣ ихъ членовъ". Въ дальнѣйшемъ спорѣ уже было произнесено слово „дуэль». Дуэль не состоялась, но мы поймемъ, сколько злобы и ненависти скопилось надъ головою Милютина за время работъ коммиссій, благодаря его благородной горячности. Все это не могло пройти безслѣдно.

10 Октября 1860 г. дѣятельность коммиссій была закончена. Быстро прошелъ составленный ими проектъ черезъ двѣ слѣдующія инстанціи: Главный комитетъ и Государственный совѣтъ. 19 февраля 1861 г. раздался, по выраженію современника, „звукъ трубы Архангела, возвѣстившій милліонамъ *мертвецовъ*, что приближается день воскресенія"... Въ упорной борьбѣ съ противниками освобожденія поборникамъ крестьянскихъ интересовъ пришлось сдѣлать не мало уступокъ; крѣпостническія притязанія вплелись-таки въ новое „положеніе" въ разныхъ прикровенныхъ формахъ. Послѣдствія этихъ уступокъ скоро сказались, лишь только началось примѣненіе новаго положенія на практикѣ. Но эти частныя неудачи блѣднѣли и стуше-

вывались передъ величіемъ того торжественнаго момента, когда послѣ долгихъ ожиданій на русскую землю брызнули первые лучи великаго солнца свободы."

Лично для Милютина радостное чувство было отуманено неожиданнымъ ударомъ: приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ объявленія воли Ланской и Милютинъ получили отставку. Они довели дорогое дѣло до границы „обѣтованной земли": здѣсь имъ пришлось внезапно остановиться и уступить свое мѣсто другимъ людямъ.

Измученный напряженной работой и сильными нравственными потрясеніями въ пылу борьбы, Милютинъ покинулъ Россію и отправился на невольный отдыхъ за границу. Онъ увозилъ съ собой горькое сожалѣніе о невозможности послужить свободной Россіи при ея первыхъ шагахъ на обновленномъ пути. Но онъ увозилъ съ собой также, по его собственнымъ словамъ, и „прежнюю вѣру въ несокрушимость и живучесть великаго крестьянскаго дѣла". Къ этой вѣрѣ присоединялась и другая. Онъ смотрѣлъ на крестьянскую реформу, лишь какъ на *начало* всесторонняго возрожденія Россіи къ новой жизни: въ своихъ прощальныхъ письмахъ передъ отъѣздомъ онъ предсказывалъ послѣдующія реформы, онъ говорилъ о всесословномъ земствѣ, онъ ожидалъ широкаго развитія серьезной и честной литературы. Онъ не ошибался. Россіи еще предстояли новые шаги на поприщѣ гражданскаго обновленія, предстояла новая дѣятельность и самому Милютину.

III.

Послѣдній трудъ.

Весной 1861 г. Милютинъ покинулъ Петербургъ и отправился въ продолжительное заграничное путешествіе Около двухъ лѣтъ онъ прожилъ внѣ Россіи. Онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Италію, Францію и Англію. Всего долѣе онъ оставался въ Римѣ и Парижѣ. Проживая въ древней міровой столицѣ, онъ отдыхалъ отъ бурной и кипучей политической дѣятельности на мирномъ созерцаніи великихъ историческихъ памятниковъ. Ему было пріятно оторваться на время отъ злободневныхъ тревогъ, приносившихъ съ собою столько тяжелыхъ разочарованій. и погрузится мыслью въ величественное прошлое. Но то была лишь временная передышка на трудномъ пути государственной работы. Изъ Рима пришлось переѣхать въ Парижъ, куда Милютина звалъ его дядя гр. Киселевъ, занимавшій тогда постъ нашего посла при французскомъ правительствѣ. Въ Парижѣ жизнь пошла совершенно иначе; о римскомъ уединеніи нечего было и думать. „Весь Парижъ“ накинулся на Милютина, какъ на достопримѣчательнаго гостя. Политическіе дѣятели, ученые, литераторы — всѣ наперерывъ хотѣли видѣть одного изъ главныхъ работниковъ только что совершившейся въ Россіи великой реформы. Милютина, какъ говорится, носили на рукахъ, какъ самую интересную новинку парижскаго сезона. „Никому не бывать пророкомъ въ своемъ отечествѣ!“ съ горечью замѣчаетъ Милютинъ, описывая пріятелямъ свои парижскіе тріумфы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разъ въ самый разгаръ этихъ трімфовъ высокопоставленные петербургскіе друзья Милютина тщетно хлопотали о возвращеніи его къ государственной дѣятельности. Великій князь

Константинъ Николаевичъ горячо желалъ добиться назначенія Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но этому плану не суждено было осуществиться. Съ родины приходили не особенно веселыя вѣсти. Правда, преобразовательныя работы, открывшіяся крестьянской реформой, не были оставлены. Вслѣдъ за крестьянской реформой были выдвинуты на очередь введеніе земскихъ учрежденій, преобразованіе городского управленія, реформа судовъ и другія важныя государственныя мѣропріятія. Но наряду съ этимъ, кровное дѣтище Милютина—новое устройство освобожденныхъ крестьянъ—оставалось безъ надлежащаго любовнаго и заботливаго ухода. Къ нему были приставлены новые люди, не принимавшіе участія въ подготовкѣ великой реформы и не вполнѣ сочувствовавшіе ея общему духу. Милютинъ смотрѣлъ издалека на ошибочные шаги своихъ преемниковъ, обреченный на вынужденное бездѣйствіе. Вдругъ... совершенно неожиданно для Милютина, Государь рѣшилъ дать ему новое назначеніе. Милютинъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, и 31 августа 1863 г. имѣлъ у Государя продолжительную аудіенцію, которая длилась болѣе двухъ часовъ.

Новое назначеніе ошеломило Милютина, какъ ударъ грома. Дѣло шло о несчастной Польшѣ. Давно уже положеніе Польши озабочивало русское правительство. Неспокойное, лихорадочное состояніе польскаго общества вызвало назначеніе вел. князя Константина Николаевича намѣстникомъ царства Польскаго, при чемъ руководительство текущимъ управленіемъ царства было ввѣрено природному поляку, маркизу Велепольскому. Политика Велепольскаго не привела къ умиротворенію Польши. Напротивъ, страсти все болѣе разгорались, и къ осени 1863 г. вся Польша была уже охвачена пожаромъ мятежа. Движеніе принимало грозные размѣры. И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ событій, въ мысляхъ Императора Александра II созрѣло важное рѣшеніе: наряду съ мѣрами военной строгости онъ предположилъ испробовать и другое средство для умиротворенія возставшей Польши - онъ рѣшилъ приступить къ коренному преобразованію существовавшихъ въ Польшѣ соціальныхъ отношеній. Такъ, снова всплывалъ на поверхность вопросъ *крестьянскій*. Во главѣ задуманнаго предпріятія надлежало непремѣнно поставить людей съ громкимъ, популярнымъ именемъ, людей, заслужившихъ себѣ широкое довѣріе въ обществѣ. Имя Милютина прежде

всего пришло на мысль Государю: къ кому же, какъ не къ этому признанному «другу народа» всего естественнѣе было обратиться теперь, когда опять заходила рѣчь объ улучшеніи отягощенной судьбы трудящагося крестьянина.

Крестьянская реформа 1861 г. не коснулась польскаго крестьянства. Крѣпостное право уже ранѣе было уничтожено въ царствѣ польскомъ. Но уничтоженіе крѣпостной зависимости не сопровождалось тамъ земельнымъ обезпеченіемъ освобожденныхъ крестьянъ. Свободный юридически, польскій крестьянинъ стоялъ на границѣ экономическаго рабства, онъ находился въ приниженномъ, угнетенномъ положеніи, вполнѣ и во всемъ зависѣлъ на дѣлѣ отъ землевладѣльца-шляхтича. Доставить польскому крестьянину экономическую самостоятельность, надѣлить его земельнымъ обезпеченіемъ—вотъ цѣль, которую ставилъ теперь Александръ II передъ Милютинымъ. Подобные планы какъ нельзя болѣе подходили къ завѣтнымъ убѣжденіямъ самого Милютина. Казалось бы на первый взглядъ, что онъ долженъ былъ съ радостью ухватиться за новый трудъ во имя своихъ прежнихъ идеаловъ.

Но Милютинъ слушалъ предложеніе Государя съ тяжелымъ чувствомъ и опущенной головой. Его пугало новое назначеніе. Во-первыхъ, онъ вовсе не зналъ той страны и того народа, чьи судьбы ввѣрялись теперь въ его руки; а Милютинъ не находилъ возможнымъ перекраивать народную жизнь безъ вниманія къ ея особенному складу, на основаніи какихъ-либо отвлеченныхъ книжныхъ понятій. Во-вторыхъ, Польша была объята возстаніемъ, тамъ кипѣла вооруженная борьба; Милютинъ не считалъ себя способнымъ къ тѣмъ суровымъ пріемамъ, къ которымъ приходится прибѣгать въ военное время; онъ былъ реформаторъ, а не диктаторъ, и его тревожилъ вопросъ, удастся ли ему согласовать свои дѣйствія съ распоряженіями военныхъ властей? Всѣ эти сомнѣнія онъ высказалъ Государю. Но Государь былъ непреклоненъ. Онъ вѣрилъ въ Милютина и ясно видѣлъ, что лучшаго выбора въ этомъ случаѣ сдѣлать невозможно. Милютинъ провелъ нѣсколько тревожныхъ дней своей жизни въ тяжеломъ раздумьѣ.

Великую услугу оказала Милютину въ это время нравственная поддержка старыхъ друзей. По первому же зову Милютина прилетѣлъ въ Петербургъ Юрій Самаринъ. И снова, какъ передъ открытіемъ редакціонныхъ комиссій, оба друга неразлучно прожили вмѣстѣ нѣсколько дней,

повѣряя себя во взаимной бесѣдѣ, обсуждая совмѣстно всѣ подробности предстоящей работы. Два соображенія повліяли на ихъ окончательное рѣшеніе. Во-первыхъ, вопросъ объ улучшеніи быта польскихъ крестьянъ далеко не былъ чуждъ лучшимъ людямъ изъ среды самихъ поляковъ. Давно уже просвѣщенные польскіе патріоты заводили рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ. Въ Варшавскомъ „земледѣльческомъ обществѣ" планы крестьянской реформы стояли на первой очереди и подвергались подробному и энергичному обсужденію. Среди этихъ обсужденій мелькала мысль и о надѣленіи крестьянъ земельнымъ обезпеченіемъ. Политическая борьба мѣшала осуществленію этихъ плановъ, отвлекала вниманіе и силы въ другую сторону. Итакъ, не являлось ли дѣломъ справедливости и государственной мудрости возобновить эти планы теперь, въ самый острый моментъ политической борьбы? Не могла ли прозвучать эта мирная законодательная работа примирительной нотой для тѣхъ, кому она сулила улучшеніе жизненной доли, а также и для тѣхъ, кто мечталъ уже раньше с полобной реформѣ, какъ о необходимой мѣрѣ? Милютинъ и Самаринъ съ самаго начала рѣшили опредѣленно ограничить свою будущую роль въ польскихъ дѣлахъ.

Они не будутъ касаться военныхъ мѣръ по подавленію возстанія. Вопросъ о подавленіи возстанія будетъ для нихъ лишь предлогомъ для распространенія и на Польшу того, что они считали благомъ для Россіи. Среди грохота оружія они принесутъ полякамъ масличную вѣтвь успокоенія и надеждъ на лучшее будущее... Затѣмъ, являлось и другое соображеніе. Мы уже знаемъ, что при составленіи положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 г. милютинской партіи пришлось согласиться на многія уступки многочисленнымъ врагамъ реформы. Многое сдѣлалось не такъ, какъ хотѣлось и мечталось. И вотъ, теперь представлялся случай еще разъ попытать счастья, показать на дѣлѣ, какъ можно было бы по настоящему провести въ жизнь ихъ планъ крестьянскаго устройства. Могли ли старые борцы отстраниться отъ такого случая?

Въ результатѣ всѣхъ этихъ совѣщаній рѣшеніе было принято. Милютинъ сообщилъ Государю свой отвѣтъ. Онъ просилъ избавить его отъ какого-либо постояннаго поста въ Польшѣ, но соглашался принять туда временную командировку. Государь тотчасъ предоставилъ ему полную свободу и въ планѣ дѣйствій, и въ подборѣ сотрудниковъ.

Имя Милютина, дѣйствительно, оказало магическое вліяніе. Безкорыстные и одушевленные сотрудники отовсюду слетѣлись на его призывъ. Въ первомъ ряду стояли по-прежнему Самаринъ, Черкасскій, Яковъ Соловьевъ. За ними слѣдовала вереница другихъ лицъ: старыхъ сотрудниковъ Милютина по министерству и редакціоннымъ комиссіямъ и новыхъ, молодыхъ дѣятелей, считавшихъ за счастье начать свою карьеру подъ руководительствомъ Милютина. Прежде всего Милютинъ засѣлъ за изученіе литературы, относящейся до всевозможнѣйшихъ сторонъ внутренняго состоянія Польши. Его кабинетъ переполнился книгами на разныхъ языкахъ по исторіи, законодательству, финансамъ, религіи, положенію сельскихъ классовъ въ Польшѣ и т. п. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ, чтобы какъ можно глубже изучить историческій складъ польской жизни. Онъ не хотѣлъ грубо ломать этого склада. Онъ желалъ строить свое зданіе на народной почвѣ. Вслѣдъ за книжнымъ изученіемъ настала очередь личнаго ознакомленія съ польскимъ краемъ. И вотъ, Милютинъ, Самаринъ, Черкасскій, Арцимовичъ предпринимаютъ поѣздку по польскимъ селамъ. Имъ приходилось проѣзжать по мѣстностямъ, наиболѣе сильно охваченнымъ возстаніемъ, по которымъ бродили повстанскія банды. Но мирныя намѣренія путниковъ легко располагали въ ихъ пользу мѣстное населеніе. Они переѣзжали изъ деревни въ деревню, знакомились съ народомъ и его нуждами, и бѣдные мазуры и краковяки довѣрчиво и добродушно бесѣдовали съ ними о своемъ положеніи. Эта своеобразная мирная поѣздка по мятежному краю окончательно укрѣпила Милютина и его друзей въ ихъ планахъ. Они составили для Государя обширный докладъ о впечатлѣніяхъ этой поѣздки. Все было одобрено Государемъ, и для разсмотрѣнія преобразовательныхъ предположеній Милютина былъ составленъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина и съ участіемъ многихъ министровъ. Жаркая борьба возгорѣлась въ комитетѣ. Повторялась старая исторія. Во второй разъ приходилось Милютину вынести на своихъ плечахъ капитальную реформу среди ожесточенныхъ нападокъ многочисленныхъ враговъ. Самаринъ и Черкасскій также вошли въ составъ комитета и боролись рука объ руку съ Милютинымъ, пуская въ ходъ свою рѣдкую эрудицію и блестящіе ораторскіе таланты. Январь, февраль 1864 г. цѣликомъ прошли въ бурныхъ засѣданіяхъ комитета. На этотъ разъ Милютинъ вышелъ изъ борьбы

полнымъ побѣдителемъ. 19 февраля 1864 г. новые законы по устройству польскихъ крестьянъ были обнародованы и вошли въ силу. Сбылось то, о чемъ мечтали Милютинъ и Самаринъ: положеніе 1864 г. для польскихъ крестьянъ удалось освободить отъ тѣхъ уступокъ крѣпостническимъ вожделѣніямъ, которыя пришлось сдѣлать въ 1861 г.

Главная сущность реформы состояла, какъ и тогда, въ надѣленіи свободныхъ крестьянъ землей и въ установленіи крестьянскаго самоуправленія. Но въ 1861 г., подъ давленіемъ крѣпостниковъ, пришлось очень сильно урѣзать размѣры крестьянскихъ надѣловъ и ввести довольно высокіе выкупные платежи за эти ничтожные надѣлы.

Теперь, въ 1864 г. удалось обратить въ собственность крестьянъ всѣ тѣ земли, которыми они владѣли ранѣе, хотя бы на арендномъ только правѣ, и при томъ земля передавалась крестьянамъ безъ всякаго платежа и выкупа съ ихъ стороны: вознагражденіе землевладѣльцамъ всецѣло было принято на счетъ казны. Было и еще одно очень важное различіе въ судьбѣ этихъ двухъ крестьянскихъ реформъ 1861 и 1864 годовъ. На этотъ разъ проведеніе новаго закона въ жизнь было отдано въ руки тѣхъ самыхъ людей, которые его задумали и отстояли. Главными направителями дѣла явились Милютинъ и Черкасскій. Въ ихъ распоряженіе поступила многочисленная группа преданной дѣлу молодежи. Тутъ были и офицеры, и бывшіе мировые посредники, уже испытанные на крестьянскомъ дѣлѣ, и т. п. Имъ предстояло въ качествѣ "коммисаровъ" истолковывать народу истинный смыслъ вновь созданнаго положенія и слѣдить за его правильнымъ примѣненіемъ. Милютинъ называлъ ихъ своей «гражданской арміей". Это было мѣткое названіе. Они отправлялись въ взволнованный край, вооруженные мыслью о законѣ и законности. Они шли проповѣдывать не *право силы, а силу права*.

Милютинъ заботливо напутствовалъ ихъ своими наставленіями и разъясненіями. Онъ собиралъ ихъ къ себѣ по вечерамъ и читалъ имъ цѣлыя лекціи о ихъ будущихъ обязанностяхъ. Всѣ эти успѣхи не даромъ достались Милютину. И въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ ему приходилось вести утомительную борьбу съ явными и тайными недоброжелателями всѣхъ его дѣйствій. Онъ работалъ, не покладая рукъ; онъ натягивалъ струну до послѣдней возможности, но... пришелъ моментъ, и струна лопнула. Въ

ноябрѣ 1866 г., послѣ бурнаго засѣданія въ комитетѣ польскихъ дѣлъ, Милютинъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Ему было всего 48 лѣтъ. Онъ прожилъ потомъ еще пять лѣтъ вдали отъ государственной дѣятельности, частью заграницей, частью въ Москвѣ. Всюду онъ являлся центромъ всеобщаго почтительнаго и преданнаго вниманія: а когда разнеслась вѣсть о его предсмертной болѣзни, масса всякаго рода людей безпрерывно являлась освѣдомляться объ его положеніи. Тысячная толпа проводила его останки до могилы.

Разсказанные нами факты говорятъ сами за себя, и мы не видимъ необходимости подводить заключительные итоги нашему очерку. Всей своей дѣятельностью Милютинъ выковалъ себѣ неизгладимую память въ потомствѣ, и можетъ ли отсутствіе внѣшнихъ героическихъ аттрибутовъ въ его личности помѣшать намъ причислить его къ славнымъ героямъ нашей исторіи? Историческое значеніе Милютина съ неподражаемой мѣткостью опредѣлено такимъ мастеромъ слова, какъ И. С. Тургеневъ. Вотъ что сказалъ Тургеневъ на празднованіи годовщины 19 февраля въ Баденѣ въ 1868 г. въ присутствіи самого Милютина: "... Съ увѣренностью въ несомнѣнной истинѣ нашихъ словъ мы можемъ уже теперь воскликнуть: пока будутъ существовать на Руси свободные люди—въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Николая Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета».

DK
219
.6
M5K4
1905

Kiesewetter, Aleksandr Aleksandrovich

Kuznets-grazhdanin. 2. izd

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 11 23 11 010 8